

Глава 10

Рыбалка на могильную траву

Проснувшись ни свет ни заря, Гу Цянь первым делом открыл фронтальную камеру телефона. Ему нужно было проверить цвет глаз.

По-прежнему карие.

— Доброе утро, Гу Цянь! Водонагреватель уже включен.

Цзи Лююнь притащил свою маленькую скамеечку и уселся у кровати, не сводя с него пристального взгляда.

— Я уже бегал на разведку: на углу открылась лавка с вонтонами!

И сразу же добавил:

— Я буду убивать ради тебя, можно мне вонтонов? Пожалуйста?

Гу Цянь: «...»

«И так каждый божий день».

Впрочем, в переулке Уван, где не встретишь ни живой души, ни мертвого духа, подобная торговля казалась верхом безумия. На что рассчитывала хозяйка? Решила просто набраться жизненного опыта?

Владелицей лавки оказалась добродушная женщина средних лет. Завидев гостя, она расплылась в приветливой улыбке:

— Молодой го... ох, то есть... кхм.

Она вовремя осеклась, буквально проглатывая окончание фразы.

Гу Цянь: «?»

«Неужели я настолько долго отсутствовал?»

Однако зов аппетита быстро подавил бдительность. Хозяйка ловко разлила вонтоны по мискам; в ароматном бульоне, среди мелко нарубленного зеленого лука и полосок сушеной морской капусты, едва виднелись белоснежные комочки теста.

— Без кинзы, — предупредил юноша.

Златовласка эхом повторил его просьбу. Первую ложку он проглотил с таким видом, будто праздновал наступление Нового года, а с остальным расправился в три глотка, после чего снова уставился на Гу Цяня.

Утреннее солнце позолотило профиль молодого человека, окрасив даже тончайшие волоски на его коже в мягкий свет. Тот всё ещё выглядел болезненным — губы его были бледнее обычного, но сейчас, влажные от горячего супа, они едва заметно поблескивали. Он медленно и плавно облизнулся. В этом простом жесте сквозило то особое, хрупкое изящество, присущее лишь выздоравливающим.

Цзи Лююнь смотрел, боясь лишний раз моргнуть.

Язык Гу Цяня...

Он не был ярко-красным, как у обычных людей. Слишком бледный цвет. Нездоровый. Это было плохо.

Глупый пёс сделал в уме очередную пометку: порция вонтонов стоит десять юаней, добавлять морскую капусту, кинзу — ни в коем случае. И самое главное: Гу Цяню нужны укрепляющие средства. Он должен быть здоров.

Небо над пустырем на западной окраине города было таким свинцовым, будто вот-вот рухнет на землю.

Вдалеке трубы промзоны выплевывали в воздух серый дым, который, смешиваясь с утренним туманом, окутывал это Богом забытое место. На земле, где даже сорняки росли неохотно, сиротливо жались несколько кривых деревьев. Похожие на руки утопающих, они обступали полуразрушенную хижину в самом центре пустоши.

— Опять всю ночь впустую, он так и не появился, — вполголоса пожаловался мужчина средних лет. Все его познания в техниках выслеживания не помогли выманить Чжан Сянгуя.

— Кое-что я всё же нашел, — отозвался другой практик Инь. — Но это сплошные ловушки, он мастерски пускает пыль в глаза.

— Эх, он вообще здесь?

— Раз уж Чэн Ушэн и Управление Жёлтых источников лично оцепили район, значит, точно здесь.

— Уж больно хитёр этот старый хрыч, — вздохнул старик с седыми волосами. — Он знает все лазейки в «Законе о защите прав усопших»: пока он не проявит себя, мы бессильны. Пошли четвертые сутки. Если не поймем сегодня, завтра придется снимать барьер.

Среди собравшихся царило уныние.

Черная цивета, Хэй Лину, лениво лежала на камне, прислушиваясь к их жалобам. Внезапно её уши дернулись, а хвост встал трубой. Уставившись янтарными глазами в густой туман, кошка заметила две приближающиеся фигуры.

Гу Цянь шел не спеша. На нем была глубоко надвинутая кепка, скрывающая почти всё лицо, и темная толстовка. Он выглядел совсем тонким и бледным. Сегодняшний его образ можно было описать как «холодная неприступность» — стиль, ясно дающий понять: «лучше не подходи».

Бог безупречных образов явно благоволил своим преданным последователям.

Он прошел сквозь толпу практиков с видом человека, которому глубоко наплевать на окружающих. Златовласый призрак, вдохновленный этой дерзостью, гордо выпятил грудь и последовал за ним. Так, не вписываясь ни в какой контекст, они вошли в круг общего внимания.

Территория в несколько миль была заперта формацией, внутри которой томились несколько духов. Перепуганные и отчаявшиеся, они метались в поисках выхода. Как правило, после смерти облик призрака мало отличается от того, каким он был при жизни.

Юноша окинул их быстрым взглядом. Чжан Сянгуя среди них не было. Старый лис был слишком уверен в своем искусстве маскировки: пока он не примет истинную форму, он может вечно прятаться в толпе теней.

Но через пять дней удержание станет незаконным. Сегодня — четвертый день.

Тот едва заметно усмехнулся.

«Чжан Сянгуй, твой судья пришел на переключку».

Проходя мимо Хэй Лину, он небрежно кивнул ей. Цзи Лююнь, тащивший сзади какой-то пакет, в точности повторил этот жест. На шее кошки красовался изящный серебряный ошейник со встроенной микрокамерой.

Неподалеку стоял неприметный «Бентли Мульсан». Чэн Ушэн и помощник Чжан в реальном времени наблюдали за происходящим, молча принимая эту странную браваду.

Помощник Чжан: «...»

Чэн Ушэн:

— Этот златовласый жить надоело?

Камера Хэй Лину передавала звук и картинку вместе с обрывками разговоров прямо в салон роскошного авто.

— Это ещё кто? Совсем юнец, а духовной силы — ни капли.

— Кажется, человек Президента Чэна. И на что он рассчитывает? Тут столько тертых калачей зубы обломали...

— Этот участок стал настоящей головной болью для Управления. Никак не найдут повода для ареста. А призраки вопят сутками напролет.

— Паренек выглядит так, будто сейчас в обморок упадет. Чжан Сянгуй ему не по зубам.

— Впервые вижу, чтобы на охоту с призраком приходили. Ещё и с таким... золотистым.

— Погодите, он что-то несет в пакете. Может, у него есть козырь в рукаве?

Гу Цянь остановился у края формации и, окинув пространство скучающим взглядом, громко спросил:

— Ну, и кто тут Чжан Сянгуй?

Все замерли.

«Он что, серьезно решил просто спросить?»

Разумеется, ответом ему была тишина.

Жестокосердный губитель призраков махнул рукой, и Сяо Люй тут же подскочил, раскрывая пакет.

— Да бросьте, не молчите так. Я ведь пришел подарок вручить, — Гу Цянь выудил из пакета охапку травы, свежей, с корнями и налипшей землей.

Он помахал ею в воздухе, и в его голосе зазвучали насмешливые нотки:

— Чжан Сянгуй, если не выйдешь, я её сожгу.

При виде травы духи внутри барьера на миг заволновались, решив, что это какой-то артефакт, но, разглядев обычный дерн, тут же успокоились.

Один любопытный призрак подлетел поближе:

— А что это такое?

Гу Цянь вежливо пояснил:

— Это подарок прямиком с кладбища Циншань, западный сектор, тринадцатый ряд, седьмое место. Принадлежит хозяину могилы... Могильная...

Последнее слово заглушил яростный вопль, донесшийся из хижины:

— ТРАВА!

Глаза юноши весело сверкнули.

«Явился».

Могильная трава — важнейший проводник энергии захоронения, по преданиям влияющий на процветание потомков. Говорят, пустая могила — к нищете в роду. Траву можно подстригать, но вырывать с корнем — категорически запрещено.

Подобное кощунство либо разрушает энергетику места, либо доводит покойника до белого каления. Как сейчас.

Чжан Сянгуй, обладавший немалой силой, вскипел от ярости. Пространство исказилось, и он материализовался прямо перед практиком Инь, впившись взглядом в вырванные стебли. От гнева он едва не умер во второй раз.

Собравшиеся были в шоке. Старейшины переглядывались в полном недоумении: «А что, так можно было?»

— Прощу, забирай, — голос Гу Цяня был само воплощение учтивости. — Мы очень старались донести её в целости.

В его характере всегда жила крупица ехидства: он обожал доводить людей до иступления. Это приносило ему тихое, скрытое удовольствие.

Много ли в жизни шансов лично вручить покойнику траву с его собственной могилы?

Тот дорожил своим имиджем и никогда не выставлял чувства напоказ, тщательно пряча радость глубоко внутри. Это была его тайна, которую никто не мог разгадать.

Так он думал, пока Глупый пёс не прижался лицом к краю его кепки.

Глаза «пса» сияли восторгом:

— Гу Цянь, ты ведь радуешься! Я вижу!

Гу Цянь: «...»

Со стороны эта сцена выглядела крайне двусмысленно: широкоплечий золотоволосый призрак склонился над хрупким юношей, буквально накрывая его своей тенью. Они стояли так близко, что в объектив камеры Хэй Лину попали две соприкасающиеся макушки.

В салоне «Бентли» один небезызвестный Президент едва не взорвался от негодования.

Тот взорвался первым:

— Ты меня обманул! Это вообще не моя трава!

Гу Цянь локтем отодвинул Глупого Пса и вернулся к работе.

— А я и не говорил, что она твоя.

Беглец побагровел от ярости.

— Но ты только что назвал мой адрес!

— Я просто баловался. Твоя могила слишком далеко, билеты нынче дорогие, — честно признался Гу Цянь. — Кто же знал, что ты такой доверчивый.

— Хм, — Чжан Сянгуй внезапно успокоился, и гнев на его лице сменился холодным расчетом.

Он вздернул подбородок, свысока глядя на человека, в котором не чувствовалось ни капли духовной мощи. Призрак поклялся себе: как только завтра барьер падет, этот наглец станет его первой жертвой.

— Поздравляю, — прервал его размышления Гу Цянь. — Ты арестован.

— Кем? Тобой? — расхохотался Сянгуй. — Ну выманил ты меня, и что с того? У тебя нет повода меня задерживать.

Гу Цянь спокойно достал телефон и набрал номер:

— Алло, Управление Жёлтых источников? Я хочу сообщить о правонарушении.

Цзи Лююнь тем временем включил камеру. Чжан Сянгуй невольно опустил взгляд на охапку травы и нащупал там что-то твердое.

Дурное предчувствие мгновенно охватило его. Под слоем земли скрывался металлический предмет — распятие.

Златовласка поймал нужный ракурс.

«Щелк-щелк!» — последовала серия из десяти кадров.

Лицо призрака потемнело, становясь почти черным. Утренний свет скользил по козырьку кепки, оставляя глаза Гу Цяня в тени.

— Здесь обнаружен дух, незаконно владеющий контрабандным освященным предметом иностранного происхождения, — невозмутимо произнес юноша в трубку.

В его взгляде, скрытом под козырьком, заплясали искорки смеха:

— У меня есть фотодоказательства.

Форум «Слияние миров» буквально взорвался.

[Гу Цянь, куда делась твоя духовная сила?!]

[Гу Цянь — ходячий кошмар с каменным сердцем!]

[Где предел беспринципности Гу Цяня?]

[Гу Цянь и Златовласка: поцелуй в тени кепки?]

[Чжан Сянгуй погорел на распятии, что думаете?]

[Мертвое море сообщений]: Это же тяжкое преступление! Чжан Сянгуя впаяют минимум сто лет каторги!

[Призрак с луком]: Для новичков поясню: заграничные освященные вещи вносят хаос в местный баланс Инь и Ян, поэтому за этим строго следят.

[Вечный огонь]: Я в восторге! Ловить призрака на могильную траву — это гениально! Но Сянгуя конец: говорят, Управление нарыло на него десяток загубленных жизней!

[Новичок среди призраков @.@]: Все хвалят Гу Цяня.

...

[Обсуждаем по фактам: как можно целоваться через маску?]

<Фото.jpg>

[Сборщик монет Инь]: Друзья, вы упускаете главное — Гу Цянь даже не отстранился!

[Вечный огонь]: Я сам призрак, и даже представить боюсь, какую смелость надо иметь, чтобы заглянуть Гу Цяню под козырек.

[Нарушитель на мосту Нахэ]: Боже, вы видели, как нежно он его оттолкнул? Какая забота!

[Печаль призраков 23]: Бесстыдник, даже мертвецов соблазняет.

[Сборщик монет Инь]: Ой, кто бы говорил! Хочешь, чтобы Гу Цянь снова «раскрыл над тобой

зонтик»?

[Понедельник — день тяжелый]: Я помню этого типа! При жизни грешил, после смерти получил по заслугам, а теперь создал «Союз противников Гу Цяня» и повсюду его поливает!

[Печаль призраков 23]: Использовать такие грязные методы вместо честной силы — это позор для практика Инь!

[Сборщик монет Инь]: И что с того, «зонтичный мальчик»?

[Печаль призраков 23]: @#%%&*&...

— Данный пользователь заблокирован —

[Рассеянная душа]: Ха-ха-ха, администратор молодец! Гу Цянь, что бы там ни говорили, никогда не вредил невинным призракам.

[Нарушитель на мосту Нахэ]: Умора, человек работает головой. Ну встречается он с кем-то, и что?

[Сборщик монет Инь]: Девочки, какой союз! Золотистый ни на шаг не отходит от Гу Цяня. Официально вступаю в фан-клуб пары Гу-Цзинь! Пароль: Глупый пёс и заносчивый красавчик.

Появился новый хэштег: #Гу_Цзинь_Связь_Миров.

У Гу Цяня уже рябило в глазах. Этим призракам явно нечем было заняться. Он заблокировал экран и сухо бросил:

— Хватит дурачиться. Уходим.

Цзи Лююнь послушно спрятал в карман красивый камешек, который только что нашел, и вприпрыжку последовал за ним.

— Гу Цянь, ты сегодня был просто супер! И такой красивый, и такой сильный!

— А ещё ты тайком улыбался! Боже, ты даже не представляешь, какой ты прекрасный, когда

улыбаешься! — «пёс» буквально светился от восторга. — И только я это видел!

Юноша поправил кепку:

— Замолчи.

— Смотри, смотри! — Сяо Люй с гордостью продемонстрировал сделанное фото. — Я тебя сфотографировал. Ракурс идеальный, ты просто чудо.

Они проходили мимо школы как раз в момент окончания занятий. Ученики шумной толпой вываливались из ворот, обсуждая что-то у лотков с едой. Скворчание фритюра, пар от наборов для оми-одена, аромат такояки — всё это смешивалось с летним ветром в невероятный коктейль жизни.

Цзи Лююнь и представить не мог, что в мире существует столько манящих запахов.

— Гу Цянь... — он притерся к нему, преданно заглядывая в глаза. — Я буду убивать ради тебя, можно мне чего-нибудь?

— Ты только что ел, — холодно отрезал юноша, не оборачиваясь.

— Ну ладно... — Призрак поник, но ноги его будто приросли к месту. Он жадным взглядом провожал каждую порцию еды, а когда мимо проходили школьники, пугливо шарахался в сторону.

Пройдя несколько шагов, Гу Цянь заметил, что за спиной стало тихо. Обернувшись, он наткнулся на пару влажных, полных тоски глаз.

«Никакой гордости. Готов разрыдаться из-за куска курицы!»

— ...Ты невыносим, — нахмурился юноша, но всё же повернул назад.

Глаза Златовласки мгновенно вспыхнули, и он бросился к хозяину:

— Гу Цянь!

— Держись подальше, — Гу Цянь замер перед палаткой. — Я просто сам внезапно проголодался.

Тот был готов взлететь от счастья:

— Смотри, этот жареный цыпленок выглядит просто потрясающе!

— Эй, дяденька, — маленькая девочка с косичками задрала голову, глядя на Гу Цяня. — Вы же такой взрослый, а отбираете еду у детей.

— Вот именно! — поддакнул толстый мальчишка рядом. — Взрослые должны ходить в рестораны, а ты такой высокий, точно всё съешь!

— Ага! Вы вдвоем пришли нас обедать!

Гу Цянь оказался под обстрелом детского негодования из-за этого недоразумения рядом. У Цзи Лююня же не было ни гроша, чтобы сводить хозяина в место получше. Свет в его глазах погас, он понуро опустил голову и с тревогой посмотрел на своего человека.

Гу Цянь смерил детей взглядом. Будь он обычным взрослым, он бы, наверное, улыбнулся и уступил дорогу. Но он был Гу Цянем. Он медленно достал телефон.

Сделал он это не ради этого глупого призрака. Просто ему не понравился тон этих сопляков.

— Хозяин, — он отсканировал код оплаты. — Сколько порций у вас осталось?

Продавец опешил:

— Э-э... Две кастрюли заготовок, порций двадцать выйдет...

— Забираю всё.

Дети застыли с открытыми ртами. Цзи Лююнь тоже обомлел. Оплатив заказ, Гу Цянь смерил рыдающих детей холодным взглядом и помахал телефоном.

— Вот она — финансовая мощь взрослого человека.

Дети, осознав масштаб трагедии, дружно завывали. Глупый пёс же едва не задымился от восторга, готовый повиснуть на юноше всей своей призрачной тушей.

— Гу Цянь, Гу Цянь! Я так тебя люблю!

Гу Цянь: «...»

Тот кружился на месте, едва не задевая прохожих.

— Ты такой крутой! Самый крутой в мире!

— Замолчи!

— Можно тебя обнять?

— Только попробуй!

Гу Цянь уворачивался как мог, понимая, что совершил огромную ошибку. Стоило ли так радовать это существо? Совсем безвольный...

Цзи Лююнь не знал меры. Он не умел сдерживаться и не понимал, что такое скромность. Разум твердил Гу Цяню, что это неправильно: нельзя давать ему надежду, нельзя позволять ему привязываться всё сильнее.

Но юноша не знал, как с этим бороться. Откуда в мире берется эта дешевая, но такая искренняя радость, не терпящая прикрас? Наверняка это какой-то изощренный обман или часть грандиозного заговора этого мертвеца. Иначе быть не может.

Ведь не бывает же в этом мире настоящей привязанности. Не бывает так, чтобы кого-то действительно ценили.

Осколки, затерянные в закоулках города, вновь складывались в единую картину, врываясь в летний вечер и расцветивая июльское небо. В такой тихий закат невозможно верить в предательство.

— Гу Цянь, — Цзи Лююнь прижал к груди пакеты с курицей, и в его глазах отразилось всё золото угасающего дня. — Я счастлив! По-настоящему, невероятно счастлив!

Он произнес это с такой серьезностью, будто хотел передать Гу Цяню всю свою радость до последней капли.

А той же ночью Цзи Лююнь ушел из дома.

Я — гора, застывшая в веках, но даже я содрогнулся ради тебя.

<http://bllate.org/book/15848/1433654>